

И самое последнее: у меня на руках остался порядком потрёпанный экземпляр «Нового мира» с «Одним днём Ивана Денисовича», снабжённый университетским штампом: «Библиотека кафедры литературы». История его появления у меня такова. В 1974 г. все публикации произведений Солженицына по распоряжению «сверху» стали, как водилось тогда, усердно изымать из «открытого» доступа в библиотеках и уничтожать. В один из дней, предшествовавших строгой процедуре изъятий, старший лаборант кафедры русской литературы, почтенная и язвительно-невозмутимая Евдокия Матвеевна Гончарова (вдова ректора СГУ Даниила Ивановича Лучинина, ушедшего в июле 1941 г. на войну и там вскоре погибшего) как-то очень осторожно, с заговорщицким видом подозвала меня на факультете и вполголоса сообщила, что новомирские журналы с Солженицынскими публикациями скоро будут «удалены» (я хорошо запомнил это её деликатно-саркастическое слово) из кафедрально-кабинетных собраний, а этот «зачитанный, замусоленный, вконец истрёпанный» (его и удалять-то, мол, неудобно) экземпляр пусть хранится у вас, его усакинские кружковцы из рук в руки передавали в своё время. Вы ведь это хорошо помните...

С той поры памятный и вконец отработавший своё том «Нового мира» хранится у нас дома.

Примечания

- ¹ Егоров Б. «Упорствуя, волнуясь и спеша...» Очерк о Т. И. Усакиной // Егоров Б. Воспоминания-2. СПб., 2013. С. 241–256.
- ² См.: Манн Ю. [Рец.] // Новый мир. 1966. № 6. С. 280–281 ; Галаган Г. Исследование о петрашев-

цах // Вопр. литературы. 1966. № 12. С. 208–211 ; Егоров Б. История – философия – литература // Вопр. литературы. 1969. № 8. С. 228–230 ; Душина Л. Татьяна Ивановна Усакина // Методология и методика изучения русской литературы и фольклора. Ученые-педагоги Саратовской филологической школы / под ред. Е. П. Никитиной. Саратов, 1984. С. 268–286 ; Демченко А. Усакина Татьяна Ивановна // Литературоведы Саратовского университета. 1917–2009 : материалы к биографическому словарю / сост. В. В. Прозоров, А. А. Гапоненков ; под ред. В. В. Прозорова. Саратов, 2010. С. 244–246.

- ³ Егоров Б. «Упорствуя, волнуясь и спеша...»... С. 250.
- ⁴ Покусаев Е. О Татьяне Усакиной // Усакина Т. История, философия, литература (Середина XIX века). Саратов, 1968. С. 8.
- ⁵ Сегодня Т. И. Усакиной и другим замечательным саратовским университетским преподавателям – филологам и историкам, чья судьба многие годы была непосредственно связана с этим домом, посвящена памятная доска, в честь 100-летия СГУ по инициативе профессора Е. Г. Елиной установленная у входа в то самое (сегодня заметно перестроенное и обновлённое) общежитие № 2 по Вольской улице.
- ⁶ Цитирую по экземпляру книги: Солженицын А. Бодался телёнок с дубом. Очерки литературной жизни. Paris, 1975. С. 81. На титульном листе книги – автограф, оставленный А. И. Солженицыным в его знаменательный приезд в Саратов в сентябре 1995 г.: «Учебной библиотеке филологического факультета Саратовского университета. А. Солженицын. 13.9.95».
- ⁷ Прозоров В. Талантливая повесть. На соискание Ленинской премии // Ленинский путь. Саратов, 1964. № 12. С. 4. О работе кружка Т. И. Усакиной см. также : Прозоров В. Юбилей «Нового мира» // Ленинский путь. Саратов. 1965. № 9. С. 4.

УДК 821.161.1.09-3+929Солженицын

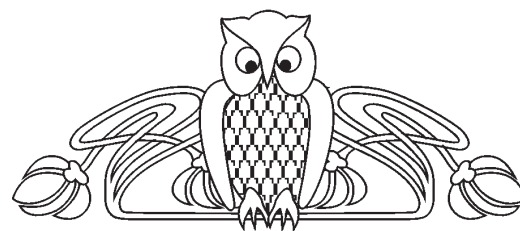
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СЛОВО В ПУБЛИЦИСТИКЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Л. Е. Герасимова

Саратовский государственный университет
E-mail: natagerasimova@yandex.ru

В статье рассматриваются семантическое и композиционное значение художественных образов, природа художественного слова в публицистике А. И. Солженицына. Картина современного мира, создаваемая Солженицыным-публицистом, анализируется в её динамике и её константах; особое внимание обращается на приёмы диалогического переосмысления ключевых философских категорий конца XX в.: плюрализм, самовыражение, пустота.

Ключевые слова: Солженицын, публицистика, художественный образ, ритм, диалогизм, картина мира, «идеологическое поле», «сквозняки» XX в.

Literary Word in A. I. Solzhenitsyn's Opinion-based Journalism

L. Ye. Gerasimova

In the article the author regards the semantic and composition meaning of the artistic images, as well as the nature of the artistic word in A. I. Solzhenitsyn's opinion-based journalism. The picture of the modern world created by Solzhenitsyn as an opinion journalist is analyzed in its dynamics and its invariables; special attention is focused on the techniques of dialogical review of the key philosophical

categories of the end of the XX century: pluralism, self-expression, emptiness.

Key words: Solzhenitsyn, opinion-based journalism, artistic image, rhythm, dialogism, world picture, «ideological field», XX century «draughts».

«Восхищения и возмущения мешают людям оценить художественную гениальность и постичь природу её, – писала в 1976 г. Л. К. Чуковская А. И. Солженицыну, прочитав III том «Архипелага ГУЛаг», – <...> для того чтобы анализировать, надо привыкнуть, перестать обжигаться – а мы прикованы к смыслу, сведениям, обжигаемся болью – и способны только на такие риторические восклицания, как мой “прорыв немоты”»¹.

«Страстный покой», необходимый, по мнению Лидии Корнеевны, для проникновенного анализа, труднодостижим, но неостановимо стремление исследователей постичь природу творческого дара Солженицына в его оттенках и целостности.

Публицистику свою А. И. Солженицын всегда считал делом вынужденным и второстепенным. Тем интереснее её поэтическое родство с художественной прозой писателя, её образные скрепы в метатексте всего его творчества.

Образное слово Солженицына-публициста рождается в напряжённо-динамичном ритме, темпе речи. С. С. Аверинцев вспоминал, как он, услышав голос Солженицына по радио, был озадачен, первоначально чуть ли не отпугнут «стремительностью <...> не столько темпа речи, сколько темпа души: presto, prestissimo»². А. И. Солженицын придает ритму не только нарратологическое, но и метафизическое значение: «... а есть ли у художника более высокая задача, чем делать слышимым ритм миропорядка?»³ Потому так дорожит он многообразием ритмов, темпов повествования в художественной прозе. О начальных главах «Августа Четырнадцатого», о темпе повествования, передающем темп жизни, автор говорит: «... вот такой темп был и никогда больше не будет»⁴.

В публицистике Солженицына строй души, волевой упор *прямо, непосредственно* определяют ритм текста.

Отсюда, может быть, и особое свойство солженицынских глаголов – их «векторность», ускорение движения⁵: «Отчего же *зинула* эта пропасть?» (7, 21); «Россия *крахнула* в Февральскую революцию» (8, 409); «Мы все должны *протиснуться* через этот ужас» (7, 367); «*извихнулся* из трёхсотлетнего гнезда» (о Николае II) (7, 399); «несчастные дилетанты Февраля <...> уже тогда власть и *обронили*» (8, 385); идеология «... *ознобила* три четверти Земли» (7, 45); «Большевики *издёргали, искрутили и изожгли* наш характер» (8, 204); «... ликование *взвихрил* 1991 год» (РО, 3); «и *выхлестывало* в раздражение: «Государство занялось грабежом»» (РО, 9); «наш образованный слой уже в течение XIX века весь *откинулся*,

отслонился от религии» (8, 498). Столь же образно-динамичны и причастия, прилагательные, отглагольные существительные: «*прокатанное* по нам столетие» (РО, 203); «*обезбожившее* человечество» (7, 429); «*оскалившиеся*» духовные опасности (7, 164); «*разливистая* демократия» (8, 33); «*свистящее* одиночество» (8, 101); «*исчерпание* культуры» (8, 425).

Динамика истории передается в публицистике Солженицына художественными образами, сквозными для всего его творчества. Иногда они рождены в художественной прозе и подхвачены в публицистике, иногда – наоборот. Один из таких образов – «*вихрь века*» – проходит через все тома «Красного Колеса». Космический вихрь, противоборство хаоса и космоса: «Когда раскручивается грандиозное, почти космическое колесо, оно захватывает в себя целый народ и целые народы...» (7, 348–349). В этом же значении образ революционного вихря не раз встречается и в публицистике. Но здесь он ещё и расслаивается, видоизменяется. Художественное слово-образ развёртывает всё новые значения. О состоянии жизни, об ударе по народному сознанию в начале 30-х гг. XX в.: «Это была *смена воздуха*, конец человеческих отношений, ничего понять нельзя, и непонятно, как дальше жить» (8, 222); об идеологии: «*тёмный вихрь «передовой идеологии»* налетел на нас с Запада в конце прошлого века, достаточно потерзал и разорил нашу душу» (7, 68). О нарастании секуляризма в мире: от «*тонко-ядовитого ветерка секуляризма*» (7, 332) до «*трёхвекового ветра Просвещения*», до «*злого духа*», который «победно кружит смерчем над всеми пятью континентами»: «Весь XX век втягивается в *крутящую воронку атеизма и самоуничтожения*» (7, 332 – Темплтоновская лекция). Солженицын остро ощущает и метафизические «*сквозняки для зла*, которые сегодня и продувают свободно» (7, 251), и привычно-желанное для современной цивилизации «общее направление симпатий (*ветер века*), общепризнанные допустимые границы суждений...» (7, 245). Он говорит и о «*потоке ... Освобожденческой идеологии*», которому на момент поддался сам (7, 289). Художественный образ стягивает все слои жизни: от метафизического до бытового (*поветрия* мировой журналистской моды), передавая ощущения кризиса – «одного всеобъемлющего духовного кризиса, – как писал протоиерей Александр Шмеман, – суть которого, на последней глубине его, – как раз в страшном, трагическом затемнении *человеческого лица*, в отрыве человека от духовной его сущности и назначения». «И именно в *явлении* этого кризиса, а также в подвиге его преодоления – главное в солженицынском творчестве», – заключает Шмеман и справедливо утверждает, что ни одна из частей творчества Солженицына «не может быть по-настоящему услышана вне этого целого и главного»⁶. Потому такими плоскими оказываются попытки и российских, и западных

критиков свести к политике ту или иную статью Солженицына.

В солженицынской картине мира особое место занимает образ обрыва. С. В. Шешунова обнаружил в «Красном Колесе» богатую семантику обрыва: это и значение красоты Творения, когда «видишь – так много России сразу, как не бывает повседневно» (Воротынцев в финале «Красного Колеса»); и значение угрозы, всеобщей опасности; и обрыва между людьми, когда все тянут врозь; и преддверия беды; и места выбора: вверх или вниз. Авторское «На обрыве повествования» – это и внезапное окончание, и высшая точка обозрения⁷. В главе «Воротынцев на могилёвском Валу» исследователь отмечает «двойственную семантику обрыва» «в противоречивом чувстве обречённости и освобождения»⁸.

В публицистике Солженицына вторая часть противоречия присутствует имплицитно. На первый план выдвигается значение опасности, крайней угрозы человечеству, края, к которому подошла Россия. Даже о высокой хронологической точке Солженицын говорит: «Смутен же обрыв Тысячелетия христианства на Руси» (РО, 186). В публицистике 1990-х – 2000-х гг. семантика обрыва – прерывание, падение с высоты, расширение «мировой трещины» (7, 189), обвал («Россия в обвале»; «обвал мироздания» (8, 329); «нравственный провал» (8, 228); «*пропасть*, в которую опал народный дух» (8, 336); «*обрушино* потеряли собственно русский язык» (8, 205)). Семантически близки к образу обрыва и другие – масштабностийные, «геологические» – образы: «*размыв жизни*» (РО, 3); «наше национальное *распыление*» (РО, 185); «*разрывы* российских пространств» (РО, 5); «*разломная* и засорённая обстановка» (РО, 180); «трещина – впад в бездну» (7, 188).

Солженицын-публицист не назидает, не проорочит, а болью своей сливаясь с болью народной, дочерпывает до дна: «... не уклонимся осознать и страшней: русский народ в целом потерпел в долготе XX века – историческое поражение, и духовное, и материальное»⁹. Но: «Дух – способен изменить направление любого, наигибельного процесса. Откатить и от самого края бездны»¹⁰. Тон последней главы книги «Россия в обвале» – тон свидетеля и страдателя, знающего над собой Божью милость, – убеждает не меньше фактов: «...есть у русских надежда. Не огнята»¹¹. Надо «успеть найти направление выхода и направить силы к нему»¹². Не случайно заключительная 36-я глава названа «Строительное» – духовное устройство, «строй души» прежде всего.

В публицистике Солженицына особое значение приобретает сплав понятия и образа. Некоторые понятия-обобщения столь объёмны и реальны, что становятся образами, входят в повседневный язык, эмоционально окрашиваясь в речи разных общественных групп. «Образованщина» – с какими только оттенками не употребляется этот образ-понятие! Саркастическое обозначение

«наши плюралисты» рождалось у Солженицына в полемике с современным пониманием плюрализма как высшего жизненного принципа, в подробном анализе пропагандистских «исторических» сочинений авторов из третьей волны эмиграции, постепенно выросло в собирательный образ борца за плюрализм «вообще», скатывающегося к у н и ф и ц и р о в а н н о м у пониманию «позора» русской истории. «Плюралист» готов «прежде чем Россия придёт в сознание – уже направить это сознание» (7, 309); он – противник советского режима, ненавидящий ещё «плотее», чем этот режим, писателя, «вызвездившего режиму в лоб» (7, 316) правду. Живучесть такого сознания подтверждается и в контексте плюрализма Февраля 1917-го, и в сегодняшнем контексте. Образ набирает многомерность.

В «Красном Колесе» мы читаем об «идеологическом поле», направлявшем Богрова, женщин-террористок. В публицистике этот образ-понятие комментируется автором, обогащается новыми смыслами, актуализируется, приобретает эмоциональную силу. «Много лет (десятилетий) это Поле беспрепятственно струилось, его силовые линии густились – и пронизывали, подчиняли все мозги в стране, хоть сколько-нибудь тронутые просвещением», – пишет Солженицын в «Размышлениях над Февральской революцией» (7, 408). Поле овладело интеллигенцией, проникло в военные и государственно-чиновные круги, даже в священство, в нём «померкло национальное сознание» (7, 409). Победа Поля – одна из причин, по Солженицыну, национальной катастрофы. Струением мощного «либерально-радикального (и даже социалистического) Поля» (7, 408) Солженицын объясняет и послереволюционные настроения. О самом себе он говорит в интервью с Дэвидом Эйкманом в 1989 г.: «...почти все школьные годы, так лет до шестнадцати-семнадцати, я сопротивлялся советскому воспитанию и не принимал его внутренне <...> Но потом ... такая повелительная сила в этом Поле, в этом влиянии марксизма, который разлит был по Советскому Союзу, – что и в молодой мозг входит, входит, начинает захватывать» (7, 487). Радиацию Поля в мировое сознание Солженицын прослеживает и в публицистике, и в мемуарном «Зёрнышке». Этот образ – один из самых динамичных образов публицистики – воздействует на читателя почти физически, пугая и мобилизуя одновременно.

Диалогизм – общее свойство творчества Солженицына. Об этом писали многие исследователи. В публицистике одним из приёмов диалога не только с отдельными авторами, но с умонастроением времени, «потоком века» становится обыгрывание ключевых слов эпохи. Например, в статье «На возврате дыхания и сознания»: «С самого начала, как в Советском Союзе звонко произнесли и жирно написали «самокритика», – всегда то была «егокритика»» (7, 44; курсив Солженицына. – Л. Г.). Избирательную «смирённость

со «своим» при строгости к чужому» (7, 45) видит Солженицын даже в статье Сахарова, упоминувшего среди «крайних выражений догматизма и демагогии» сталинизм, но обходящего современную ему идеологию. «Но в 1968 году сослаться на «сталинизм» есть подстановка, маскировка, уход от проблемы» (7, 46). С горечью пишет Солженицын о штампах «принудительного мышления», «диктованного рассуждения», изуродовавших даже сильные и смелые умы. С сарказмом – о современном словоблудии, маскирующем пустоту. Не раз обыгрывает он одно из самых частотных современных слов – «самовыражение».

Иронически прослеживая, как А. Синявский в «Прогулках с Пушкиным» «заигрывает Пушкина в пустоту», Солженицын останавливается: «Неужели Синявский не видит высших уровней Пушкина? О, отлично видит (из-за того и всё выламывание на пушкинской площади)» (7, 443). Не принимая образа пустоты, созданного Синявским, Солженицын пишет: «Пушкин настолько «пуст», чтобы по-писательски уметь отобразить собой весь мир, а не только само-само-самовыражаться. Для того нужна не пустота, а бездонная глубина. Да, кто слишком занят собой, этого свойства понять нельзя» (7, 442). В интервью 1990-х – 2000-х гг. Солженицын не раз возвращается к «самовыражению», обыгрывает этимологию слова, противопоставляет «самовыражение» самоограничению, долгу писателя, как его понимал Гоголь. Ясно, что речь идёт не о лирическом начале искусства, не об автобиографическом пласте в творчестве писателя, не о даре интуиции, а о сосредоточенности на импульсах своего сознания и подсознания, на трансляции непреображённого душевного хаоса, а то и просто пустоты душевной. Такое искусство Солженицын называет «игрой на струнах пустоты». «Переигрывание пустоты» (7, 455), «вспышки несущественности», «всеирония» (7, 455) – в глазах Солженицына – попытки «обскакать ... на деревянной лошадке мировой кризис искусства» (8, 93). И хуже того – незначимость, несущественность, релятивизм новейших направлений в искусстве – черты более глубокого кризиса человечества. «Здесь просвечивает, но не светом, а багровостью, нечто большее, чем явление только внутри искусства» (8, 93), – пишет Солженицын. Это высказано в 1993 г., и почти в то же время, в 1996 г., С. С. Аверинцев с болью анализирует свою «ностальгию по тому состоянию человека как типа, когда всё в человеческом мире что-то значило или, в худшем случае, хотя бы хотело, пыталось, должно было значить; когда возможно было «значительное». Даже ложная значительность, которой, конечно, всегда хватало, <...> по-своему свидетельствовала об императиве значительности как задании, без выполнения коего и жизнь – не в жизнь»¹³. «... Сегодня дело обстоит совсем иначе, – горько удивляется Аверинцев. – Значительность вообще, значительность как

таковая просто улетучилась из жизни – и стала совершенно непонятной. Её отсутствие вдруг принято всеми как само собой разумеющаяся здоровая норма»¹⁴.

Образ самовыражающейся пустоты у Солженицына напоминает сравнение Феофаном Затворником гордого человека со стружкой, завитой вокруг себя, внутри которой пустота.

Пустота как философское понятие, как художественный образ – один из центров современной культуры. Пустота как личное метафизическое будущее, как уход в Ничто. Пустота гипнотизирует, вызывает ужас или стоическое приятие. Пустота – уход в небытие для тех, кто не верит в Сверхбытие, а значит, и в инобытие. Для Солженицына, с его органической верой, пустота – отсутствие смысла, отсутствие бытия или его имитация, симулякр. Он последовательно развивает образ пустоты в аспекте антикультуры, разрушения культуры, «расхищения души». В конечном счёте речь идёт о всё том же глубинном кризисе человека и человечества и о путях выхода из этого кризиса.

В «Дневнике Р-17» Солженицын записал в 1976 г.: «С годами автор меняется и физиологически, и умственно, и в убеждениях, и в настроениях. Ничто не повторимо. И если он пишет 30 лет, то это – не единый насквозь автор»¹⁵. В публицистике, суть которой – отклик на вызовы не только эпохи, но и дня, это особенно заметно. Но есть в ней узловые точки – художественные образы, образы-понятия – одновременно и устойчивые, и движущиеся через время. В их семантическом богатстве – и ретроспекция, и предвидение.

Примечания

- 1 Л. К. Чуковская – А. И. Солженицыну. 14 июня 1976. Москва // Солженицынские тетради : материалы и исследования. Вып. 1. М., 2012. С. 97.
- 2 Аверинцев С. Мы и забыли, что такие люди бывают // Между двумя юбилеями (1998–2003) : Писатели, критики и литературоведы о творчестве А. И. Солженицына : альманах / сост. Н. А. Струве, В. А. Москвин. М., 2005. С. 152.
- 3 Солженицын А. «...Колеблет твой треножник» // Солженицын А. Собр. соч. : в 9 т. Т. 7 : В Советском Союзе. 1967–1974 ; На Западе. 1974–1989. М., 2001. С. 443–444. Близкую к этому мысль высказывает С. С. Аверинцев, рассматривая ритм как теодицею (См.: Аверинцев С. Ритм как теодицея // Аверинцев С. Собр. соч. / под ред. Н. П. Аверинцевой и К. Б. Сигова. Связь времён. Киев, 2005. С. 408–411.
- 4 Солженицын А. Телеинтервью на литературные темы с Н. А. Струве // Солженицын А. Собр. соч. : в 9 т. Т. 7. С. 221.
- 5 Примеры приводятся по: Солженицын А. Собр. соч. : в 9 т. Т. 7. М., 2001 ; Т. 8 : Публицистика : На Западе. 1990–1994 ; В России. 1994–2003. М., 2005 (в скобках указывается том и страница) ; Солженицын А.

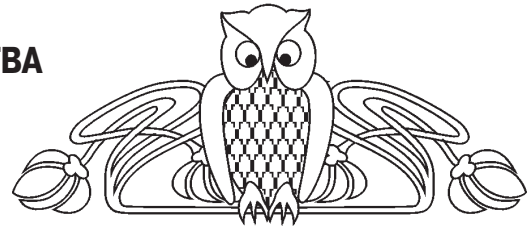
- Россия в обвале. М., 1998 (в скобках сокращённое название – РО и номер страницы). Курсив в примерах наш. – Л. Г.
- ⁶ Шмеман А., *прот.* Собрание статей. 1947–1983 / сост. Е. Ю. Дорман ; предисл. А. И. Кырлежева. М., 2009. С. 818–819. (Курсив Шмемана.)
- ⁷ См.: Шешунова С. Национальный образ мира в эпопее А. И. Солженицына «Красное Колесо». Дубна, 2005. С. 64–69.
- ⁸ Там же. С. 67.
- ⁹ Солженицын А. Россия в обвале. С. 200.
- ¹⁰ Там же. С. 203.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. С. 201.
- ¹³ Аверинцев С. Моя ностальгия // Аверинцев С. Собр. соч. С. 399.
- ¹⁴ Там же. С. 401.
- ¹⁵ Солженицын А. Три отрывка из «Дневника Р-17» // Между двумя юбилеями (1998–2003)... С. 28.

УДК 821.161.1.09-3+929Солженицын

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН И ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА РУССКОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

А. А. Гапоненков

Саратовский государственный университет
E-mail: GaponenkovAA@info.sgu.ru

В статье личность и творчество А. И. Солженицына («Архипелаг ГУЛАГ», «Красное Колесо», «Россия в обвале») рассмотрены с точки зрения проблемы единства русской духовной культуры, в соотношении двух политических философий – консерватизма и радикализма. Теоретическая основа публикации – идеи русской религиозной философии, изложенные в трудах С. Л. Франка. Особая роль отведена полемическим суждениям писателя.

Ключевые слова: А. И. Солженицын, русская духовная культура, религиозная философия, С. Л. Франк, консерватизм, радикализм

A. I. Solzhenitsyn and the Issue of the Unity of Russian Spiritual Culture

A. A. Gaponenkov

In the article the author regards the personality and oeuvre of A. I. Solzhenitsyn («Gulag Archipelago», «Red Wheel», «Russia in Collapse») from the perspective of the unity of Russian spiritual culture in relation to two political philosophies: conservatism and radicalism. Ideas of the Russian religious philosophy expounded in the works by S. L. Frank underlie the theoretical foundation of the paper. A special role is dedicated to the polemic judgments of the writer.

Key words: A. I. Solzhenitsyn, Russian spiritual culture, religious philosophy, S. L. Frank, conservatism, radicalism.

Явление А. И. Солженицына – это возрождение забытых истин на фоне цинизма и материализма, связывание разомкнутых пространств русской мысли, воплощение единства русской духовной культуры и притом понимание ее заблуждений. «Архипелаг ГУЛАГ», погружая читателя на дно бездны страха и неверия, оставлял надежду на «воскресение из мертвых». Солженицына любят цитировать его противники, «играя» цифрами погибших за годы репрессий и войн, но критики не могут опровергнуть многих его убеждений, так или иначе вступая с ним в интенсивный диалог и невольно солидаризируясь, потому что в его иде-

ях просматриваются ценности русской духовной культуры XIX – начала XX в. И что особенно характерно, Солженицын не был готов разменять их на абстрактные правовые нормы западного мира.

В эмиграции философ С. Л. Франк предложил слушателям РСХД оригинальную и стройную концепцию *русской духовной культуры*, её истории со всеми противоречиями и разрывами, отдельными умственными течениями, индивидуальными судьбами, достижениями и утратами. Эмиграция искала почву, опору в русском языке, литературе XIX в., искусстве, религии, религиозной философии. Превеличенное дореволюционными и новейшими «неистовыми» критиками представление о недостатках русской культуры сменилось пониманием ее значительности, желанием разобраться в ней объективно. Франк наметил основные черты исторического противоборства и схождения двух течений русской мысли – *религиозно-мистического и социально-радикального*. Он напомнил о катастрофическом «разрыве между образованным классом и народом»¹, западной образованностью и исконно православной духовной культурой. Особенностью русского исторического пути была борьба между апологетами подлинной веры и «атеистической религии», бунтарства, приверженцами сложившегося государства, церкви и столпами радикальных перемен, нового социального переустройства.

Обозревая контекст *современных* ему политических течений, Франк находит, что они «по большей части заражены ложным консерватизмом уже в том смысле, что остались неизменны после революции, исходят из *старого*, одинаково революционеры и контрреволюционеры, не понимают творческого характера задачи»². Радикализм же их в том, что они сосредоточены на разрушении. Какова диалектика консерватизма и радикализма после революции, мировой